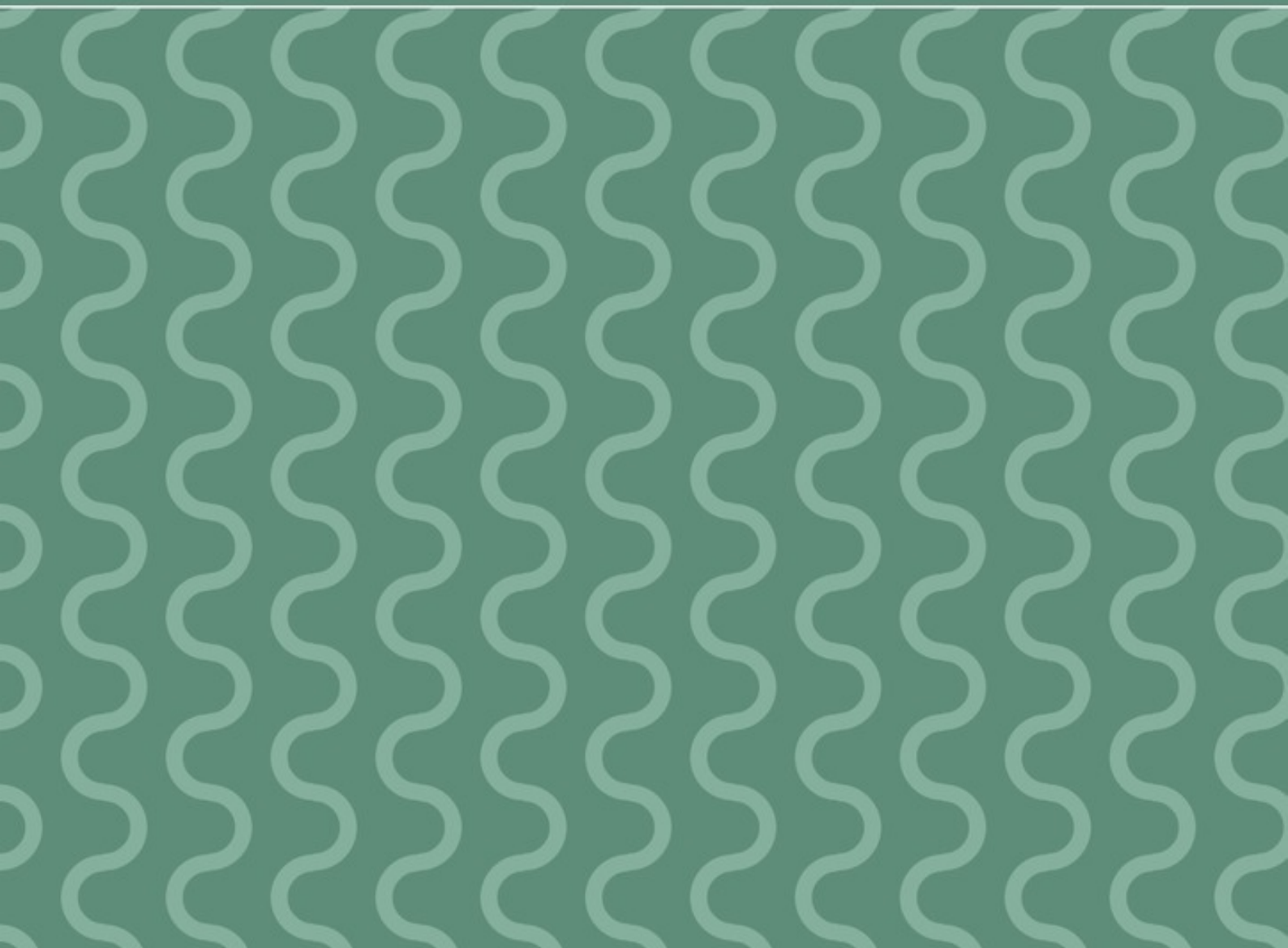

Михаил Васильев

Удача

Фантастический роман

Михаил Васильев

Удача

«Издательские решения»

Васильев М.

Удача / М. Васильев — «Издательские решения»,

Герой романа лежит на самом дне жизни. Промысел, позволяющий существовать, он называет «собиратель копеек». Но благодаря невероятному везению герой получает неограниченные возможности для осуществления любых своих желаний. А главное желание у него — отомстить бывшим друзьям.

© Васильев М.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая Нищета	6
Глава 1 Светлое утро	6
Глава 2 Искатели сокровищ	11
Глава 3 Встреча с интересными людьми	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Удача
Фантастический роман
Михаил Васильев

© Михаил Васильев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая Нищета

Глава 1 Светлое утро

Собрав все силы, Алик ударил вперед, прямо в ненавистную рожу Джастина, но враг мгновенно увернулся. Ударил опять, бил и бил, но проклятый Джастин Бибер ловко уходил от его ударов.

«Шустрый гад! Подожди. Сейчас я раскантую твою морду. В котлету. В кровавый антрекот!»

И вдруг Бибер сам нанес Алику прямой резкий удар, такой неожиданный для дрищева-того певца. Мгновенно и с неожиданной силой. И еще. Молотил и молотил, совсем не уставая. Алик принимал один удар за другим. Слышалась, все продолжалась биберовская песня.

«И песни его ненавижу!»

Уклоняясь, Алик уронил игровую приставку, та упала под стол.

«Денди, денди, Все люди любят денди», – недовольно проворчал он.

С кряхтением полез под стол и, конечно, тут же раздавил пресловутую пластмассовую коробку, придавил ее коленом. Поединок завершился.

Остатки древней приставки выбросил в окно. Невнятные голоса, раздававшиеся во дворе, умолкли, потом послышались снова.

«Наверное, нищие во дворе бухтят, – с раздражением подумал Алик. – Хорошо бы и телевизор „Рекорд“ в окно свалить, на их головы.»

Слов не разобрать, но понятно, что говорившие обильно матерятся. Неясно, ругаются или так, беседуют по душам. Приапечные алкаши. Недолговечные, как однолетние растения, быстро вымирающие от излишеств, но неизменно сменяющие друг друга.

Сегодня Алик так и не спал, не хотелось. Раннее-раннее утро, солнце медленно начинало накалять комнату. Душная ночь постепенно становилась жарким утром.

В это знойное безветренное лето голоса и прочие звуки за окном во дворе раздавались гулко, как в большой пустой комнате. Запахи тоже стали комнатными, теперь не менялись, держались неподвижно. Из чьих-то окон в эту рань доносился запах жареной рыбы. И еще пряничный зефир горячей патоки с хлебозавода неподалеку.

Какой-то писатель написал, что стиль улицы, где он живет, формируют два близлежащие театра и хореографическое училище.

Так вот, на этот двор и его окрестности крайне повлияли местные заведения. Прежде всего, круглосуточная аптека с неиссякаемыми запасами дешевого спирта, почему-то называвшегося «Асептолин. Жидкость для наружного применения». Потом пивная в соседнем доме под названием «В дупель», которую местные алкаши упростили до «Дупла». Еще наливайка «Жар-птица», ее, конечно, прозвали «Жир-птицей», и само собой большой рынок рядом. Двор всегда густо усыпали пустые асептолиновые пузырьки.

Алкаши, достигшие самого дна, сидели на тротуаре возле аптеки, нищенствовали. Подаяние сразу несли в эту аптеку. Спирт чаще всего применяли в этом дворе, против рекомендаций, внутрь.

Вот и сейчас доносились голоса этих самых нищих. Алик поневоле слышал и даже представлял их. Одного оратора звали Димка, другого – Митька, видимо, нищие не догадывались, что это одно имя.

Слышался и женский голос, эту бабу, по кличке Криветка, Алик уже видел. Широко известное лицо в кругах местного дна. Худая, но при этом дряблая, жухлая, непонятного возраста.

Алик вроде понял, что технически грамотный Митька создал из своего алюминиевого костыля стреляющее устройство, и сей костыль неожиданно выстрелил в Собесе. Разговор заканчивался. Кровать неожиданно запела песню, громко и неточно.

«В самое раннее утро песня про любовь, – подумал Алик. – Какое душевное здоровье надо иметь».

Послышались гулкие хлопки. Кто-то торопился, спешил выбить ковер.

Ощущая босыми ногами пыльный пол, Алик приблизился к окну. Трое деятелей нищенского дела сидели на краю песочницы, полной застывшего цемента, когда-то оставленного там строителями.

Кажется, нищие уже выпили, отметили свой ежедневный праздник и сейчас закусывали арбузом. Раскололи его и черпали мякоть руками.

«Весело на таких гуимпленов смотреть. Есть идиоты и похлеще меня», – подумал Алик.

Он представлял их по-другому. Митька почему-то оказался сильно пьяным мальчиком, лет двенадцати. Только по скрипучему голосу Алик понял, что это карлик.

В сильно расклепанных брюках, похоже, подобранных на помойке, в очках древнего советского дизайна с пластмассовой оправой и, кажется, без одного стекла. Рядом с ним на бордюре песочницы лежали костыль и старые деревянные счеты.

Димка – полуобнаженный по пояс, будто решивший загорать при раннем солнце, жилистый, густо изрисованный и исписанный татуировками.

Алик давно заметил, что все люди похожи на кого-то из известных в истории деятелей, только этого никто не замечает. Димка, наверное, не подозревает, что сходен обликом с основателем инквизиции Торквемадой, только более тощий, а Митька с юным, но сильно потасканным Джироламо Савонаролой, при этом в очках и попроще, поглупее лицом.

Димка Торквемада неожиданно сделал вид, что собирается ткнуть Савонароле пальцем в отсутствующее стекло очков. Карлик даже не пошевелился, а Торквемада заржал

Дно жизни и так близко – тремя этажами ниже.

Сейчас нижесидящие обсуждали, что нужно предпринять с весами, которые Митька Савонарола нашел на свалке. Если отбросить матерные слова, от дискуссии оставалось мало, но понятно, что нищие гуимплены ждали от продажи весов колоссальной прибыли, стоили фантастические бизнес-планы.

Алик, как успешный когда-то, хоть и разорившийся потом коммерсант, понимал, что нищие не разбираются в торговом деле. Подумал, что лучше бы поменяли на рынке на картошку.

Шлеп! Шлеп! – Пьяный бред местного нищенства перебивали удары ковровых выбивалок. Невдалеке перед висящим ковром стоял некто странный, хоть и видимый только со спины. Сильно-сильно рыжий, почти красный, в непонятной белой рубашке, словно бы добытой в психдиспансере, с пуговицами сзади и в каком-то необычном головном уборе, как будто сложенном зеленом цилиндре. Маленький, пузатый, с тонкими руками и ногами, немного похожий на осьминога, он ритмично выбивал ковер сразу двумя выбивалками, сплетенными из стальной проволоки.

Когда-то до своего внезапного разорения Алик, успешный и обеспеченный, снисходительно наблюдал за шевелением мелких людишек внизу. Наблюдал и делился впечатлениями весело, со злобноватым юмором. Сейчас высокомерие совсем перестало идти этому мелкому, сильно изношенному, с большим напряжением выживавшему мужичку. Прежний насмешливый цинизм сменило злобное раздражение ко всем пробегающим мимо. Алик сам ощущал, что приближается к уровню назойливого параноика.

Теперь он ходил по комнате, ел горчицу, опуская в банку палец и облизывая его. Потом чистил в ванной ботинки, выскребывая этим пальцем остатки сапожного крема.

Бедность. Особое физиологическое состояние, вроде болезни. Вдобавок вонял, некстати засорившийся, унитаз. Подошла кошка, молча, вопросительно глядела.

– Потерпи, вдруг повезет. Может, пойдет сегодня копейка, – сказал ей Алик. – Злодеи разорили нас. Теперь мне остался единственный способ добывать деньги – откровенно подбирать их у себя под ногами.

Кошка смотрела тревожными глазами.

– Лучше всего обирать монеты ранним-ранним утром, – поделился с ней Алик. – Когда только становится видно. Чаще всего монеты и даже украшения валяются на остановках, где их почему-то никто не видит. И на автостоянках тоже. Хорошо собирать денежную падаль, пока ее машины не растоптали. И проклятые дворники не смели.

Голоса нищих теперь раздавались прямо под окнами. Кажется, те сидели на крыльце подъезда.

Алик вышел на балкон. Гуимплены добыли еще спирта, сейчас деловито вскрывали мелкие пузырьки. Устроились на дне жизни основательнее Алика.

– Алкоголизм, хоть слово дико, но мне ласкает слух оно, – не сдержался, процитировал Алик. – Гляжу, процветают отбросы общественности, неплохо вам живется.

Трое, задрав головы, смотрели на него.

– Рай для нищих и шутов, как сказал поэт, – добавил Алик.

– Добрых дней, – заговорил Димка Торквемада. – Начальник, спусти нам, кинь хлеба на закуску.

– Может, тебе еще и бутылку «Путинки» скинуть. Нету ничего у меня, голо.

– Или весы купи! Тыща рублей, – предложил Савонарола.

– Не по карману, ваше преосвященство. Ну, давайте гуляйте. Торжествуйте, подобно пирующим во время чумы.

Снизу смотрели с недоумением.

Слышно как уже двинулись, завывли первые троллейбусы. Проходя через комнату, Алик с раздражением посмотрел на себя в зеркало. Отражение смотрело с такой же злобой. Там маленький, худой, головастый мужик самых средних лет. Бледный, несмотря на жару.

На полу осталось белое пятно, сметана для кошки.

– Ешь быстрее, а то жарко – быстро высохнет, – предупредил на прощание Алик.

В подъезде вспомнил, что сегодня пятница, тринадцатое. Впрочем, для него стали безразличны дни и ночи. Сейчас он думал о мести. О мести тем, кто ограбил и разорил его, он думал, впрочем, постоянно. Мысленно создавал тщательные, сложно устроенные планы. Подробные и бессмысленные. Ибо ни на что он, нищий собиратель копеек, не способен. А сейчас еще размышлял о том, что мошенники и воры при всем – всегда неудачники. Они не только ограбили его, Алика, они опустили его до своего привычного обыденного уровня. Теперь вокруг тупость, ложь, обман. Подлая хитрость. Он будто оказался посреди болота, в вонючей грязи.

«Вот появился бы какой-нибудь старик Хоттабыч! Почему в этой самой жизни подобного не происходит?»

Алик спускался по лестнице. В раскрытых настежь окнах подъезда виден двор. Тишина, будто в пустой комнате. Нищих не видно и не слышно, те исчезли.

Профессионально глядел под ноги. Вроде заметил пятирублевую монету на ступенях, но при прикосновении оказалось, что это использованный презерватив. Непонятно как он попал сюда.

Мрачно напевая «Алкаши, алкаши, днем и ночью хороши!», вышел из подъезда.

Сразу увидел на крыльце, уложенную кучкой, маленькую горку мелочи. Денежная пирамидка, опять оставленная пьяными гуимпленами. Непонятно какие изменения в покореженных алкоголем мозгах заставляли тех не то выбрасывать, не то забывать деньги.

Один раз Алик уже находил здесь такую же кучку. В прошлом ошеломленные спиртом бросили четырнадцать рублей семьдесят копеек. Солидные монеты, не только медная мелочь. И в сегодняшней тоже рубли, двухрублевые и даже одна пятирублевая монета.

Собирателя копеек такая удача и возмущала, и радовала. Он двинулся вперед в подворотню дома, на ходу считая в ладони добычу. Некая милостыня от нищих. Дошел!

В подворотне, пошатываясь, шла навстречу, будто зомби из фильма ужасов, Креветка. Алик посторонился и зачем-то произнес:

– Ваше высочество, так благородно оставить на пороге моего утлого дома денежные излишки.

Креветка тупо уставилась на монеты в горсти Алика и вдруг закричала:

– Украл! Деньги украл!

– О, это необъяснимый каприз, – сдержанно попытался возразить Алик. – Сначала вы, мадам, с коллегами выбрасываете вполне резонные деньги, потом требуете их. Необъяснимо, это я, как экс-миллионер, говорю. Впрочем, я отнюдь не претендую. Готов отдать всю сумму, перечисляю назад.

Протянул вперед руку, но Креветка внезапно ударила по ней. Рассыпавшиеся монеты зазвенели в подворотне. Завизжала, вцепившись в ворот его рубашки, закружила.

– Грабят! Грабят! – Дико кричала нищенка.

– Да никто тебя не гра...

Его перебил вопль:

– Устаканю гада!

В проеме подворотни возник Торквемада. Приближался, перекосившись лицом от ненависти и вставив перед собой черные от грязи кулаки. Алик рванулся в другую сторону, но там теперь метался Савонарола. Замер, увидев занесенный костыль. Снизу из него торчал остро заточенный гвоздь, блестел в сумраке.

– Будут трупья! – Заорал Савонарола.

«Почему трупья, если я один?» – Растерянно подумал Алик.

Неожиданно оказалось, что он в ловушке, подворотня стала некой крысиной западней. С двух сторон двигались нищие.

Подбежавший Торквемада с неожиданной силой ударил Алика. Тот ощутил лицом его жесткий костлявый кулак. Вдруг обнаружилось, что этот нищий – опытный уличный боец и совсем не такой пьяный, как показалось. Димка бил и бил, не уставая, и все сильнее и сильнее. Алик только уворачивался, прикрывая лицо руками.

«Ну вот, это тебе не Джастин Бибер!» – С отчаянием думал он.

Заметил, что рыжий возле ковра сейчас грызет семечки, глядит на них. Поединок с нищими приближался к катастрофе. Савонарола отбросил костыль, теперь прыгал рядом с отверткой. Кричал:

– Глаз, глаз надо ему отверткой оптимизировать!

Заметил упавшие очки Алика, с удовольствием, с размахом наступил на них. Креветка визжала в другом конце подворотни.

И вдруг оказалось, что рыжий выбивальщик ковра оказался рядом. Алик увидел, как тот странно изогнулся, ковровые выбивалки в его руках закрутились, как веер.

Торквемада повернулся, замахнулся кулаком.

– Ты чего, мать твою ... – Успел сказать он.

Перед ним мелькнула рука с выбивалкой и даже вроде его не коснулась, но нищенская голова дернулась и ударилась о стену с твердым стуком. Торквемада с матом сполз, уселся на асфальт.

Очкастый Савонарола с воем кинулся на рыжего, махая отверткой. Взмах выбивалкой – нищий отлетел в сторону и заковылял к свету, подальше отсюда.

– Ну, ты герой! Полный триумф над полчищами нищих, – сумел сказать Алик. – Интересными приемами владеешь! Я понимаю: практика Цыгун и Тайцзи, Шаолинь там. – Сплюнул кровью, пощупал переносицу. – Все! Кажется, и нос сломан, и хорошим зубам конец. Поставил их в благополучные годы. Теперь рожка как у настоящего бомжа!

Опять плюнул вслед, выбирающемуся отсюда на четвереньках, Торквемаде. Оторвал и выбросил висящий ворот рубашки. Потом снял ее совсем и отбросил в сторону. Остался в майке-алкашке.

– Слишком широкая черная полоса пошла в жизни, – не сдержался, пожаловался он. – Большое человеческое мерси! Избавил... Я думал, что забудут наглухо в родной подворотне ни за что.

Лицо у неожиданного спасителя показалось Алику чем-то необычным. Совсем без особых примет. Просто образец подобного лица. Неподвижное, будто изготовленное из воска. И возраст у этого рыжего неопределенный, лет тридцать – пятьдесят.

Тот опять равнодушно грыз семечки.

– Страшная битва из-за тридцати четырех рублей и скольких-то там копеек, – продолжил говорить Алик. – Костылем хотели зарезать. Благородный поединок – надежда на честную сталь. Ну, а ты дерзок. Супермен, феншуист. Надо бы тебя угостить за спасение от нищенских кулаков и костылей. Хотя бы в пивняк сходить, но я совсем неимущий, полная атрофия денег. Я, кстати, Алик, веселый собиратель копеек, а тебя как?

– В последнее время меня зовут Семечкин, – непонятно выразился рыжий спаситель. Лицо его при разговоре не менялось, никаких эмоций на нем не появлялось. – Ко мне часто обращаются за помощью, но самостоятельные услуги по собственной инициативе я не оказываю. Сегодня непонятно почему сделал исключение.

– Повезло мне. Еще бы кто мой унитаз, говносток прочистил, а то утомил он. Только прости, Семечкин, дела! Надо торопиться, приходится. Мы, собиратели копеек, особо тонко чувствуем, что время – это деньги.

В конце подворотни Алик обернулся:

– Мы еще встретимся, я проставлюсь, не переживай! Выполнение желаний за мной.

Глава 2 Искатели сокровищ

«Для начала надо посмотреть монету на автостоянке возле „Жир-птицы“, – озабоченно думал Алик. – Там, где я когда-то нашел пуговицу в виде бабочки, которую принял за золотую».

Он быстро шел по автостоянке, глядя между машинами.

– Привет, мужичок! – Оказалось, в автомобиле с открытыми дверями сидят двое. Улыбаются, глядя на него.

Смутно знакомые лица, сильно, не по-местному загорелые. Алик умственно напрягся, но не смог вспомнить их имена. Один из них, темноволосый и круглолицый, казался похожим на Чебурашку, только с бородой. Второй – непонятно на кого.

– Как поживаешь? – Традиционный вопрос.

– Ничего, – и с излишней откровенностью добавил. – Болтаюсь у дна жизни и иногда чувствую его пятками.

– У тебя же торговая фирма была? – Спросил второй.

Алик вдруг подумал, что он похож на Фиделя Кастро, в тот недолгий период, когда тот сбрил бороду. А Чебурашка на Че Гевару. Решил, что мысленно так их станет звать. Че и Фидель.

– Закончилась фирма, – ответил он. – Навалились одновременно со всех сторон... Воры, менты, жулики еще – одновременная атака. И банк добавил. Плюс к этому инфаркт.

Опережая их вопрос, добавил:

– Сейчас я мелкий-мелкий кладоискатель, добываю денежные средства открытым способом. Искренним, можно сказать. Хожу и подбираю под ногами. А это тяжелый труд, мозги требуются. На пляже сейчас подобные мне искатели собираются, рыщут, но это дилетанты. Все обходят песчаный берег, не догадываются искать в раздевалках, в самом урожайном месте. А я знаю места. Подбираю падшие деньги на дорогах, даже на пешеходных переходах и на газонах, в земле, включая торфяно-воздушный грунт. Как-то даже золотой крестик с цепочкой нашел. Я пока не падший, держусь. Еще не укатили меня сивые горки.

– Видим, что держишься, – усмехнувшись, сказал Фидель. – Морду вон тебе кто-то разбил.

– Внезапно напали два веселых пидараса, – пробормотал Алик.

– Отбил от двоих? Герой! Наглухо замочил гадов?

– Не то чтобы, – Алик неопределенно пожал плечом. – На сегодняшних двоих злоба как-то остыла. Мне бы встретить тех, кто меня разорил. Кто предал в тяжелую минуту, давил мне на макушку, когда я тонул. С какой радостью я бы дал каждому в печень, ослабленную алкогольным суррогатом. Лишь бы устроил, дал бог с ними встречу. А он даст.

– Судьба – мощный игрок, играющий против нас, – задумчиво сказал Че. – Но она иногда делает ошибки и надо успеть использовать их.

– Я вчера случайно нашел маленькую-маленькую копейку, – сказал Фидель. – Вроде серебряную, такие, кажется, в бутылки с водкой заряжают. На, возьми на память.

Вблизи Алик увидел, что в машине лежит на сиденье собака, внимательно смотрит на него. Взял крошечную монету, попытался разобрать на ней невидимые из-за мизерности буквы и цифры.

– Будем считать, что мне на удачу. Ну, и вы от меня возьмите. Вот нашел на пляже непонятную медаль, написано на ней что-то на английском языке. Вроде, награда за изготовление лучшего чая.

– Мы много такого же странного на Волге находили, – сказал Фидель.

«Они же черные копатели, – вспомнил Алик. – Раньше выкапывали оружие на местах прежних боев».

– Бросили войну копать, – продолжил Фидель, – тоже решили взяться за монету. Но наша повесть не столь печальна. Мы орлы, что не ловят мух. Взялись идти не со склоненной головой по газонам, а пешком вдоль всей Волги, чтоб обшарить все пляжи подряд с металлоискателями. Почти до Каспийского моря, как бурлаки. Советских монет массу набрали, хоть в металлолом сдавай. Собака к нам сама прибилась. Сколько раз спасала нас, настоящий друг. Мы его Дружком и прозвали. Дошли до Нариманова. Там на маленькую долю от собранного машину купили и вернулись только что.

– Были дела, – заговорил Че. – Получилось похлеще, чем в «Приключениях Гекельбери Финна!» Не роман, а целая эпопея.

– Сейчас опять начнете войну копать? – Спросил Алик.

– Да нет, не копать, – задумчиво ответил Че. – Решили на настоящую войну ехать. На Ближний Восток.

– Думаем воевать за справедливость, – добавил Фидель. – Ты хоть видел по телевизору, что они с мирняком творят? Желаем отомстить злодеям. По-настоящему, всерьез.

– По моему телевизору много не увидишь, – пробормотал Алик.

Но Чебурашка его не слушал, продолжал:

– Только денег, конечно, много надо. Оружие доброе приобрести, билеты, то-се. Чтоб такую сумму добыть, хоть обратно на Волгу отправляйся.

– И лучше пройти ее по дну, – ухмыльнувшись, добавил Че. – Там самые ценности. Особенно, где Великая Булгария стояла. На берегу мы все собрали, а на дне пока оставили.

– Подождите! Оружие, билеты, деньги – все вам сделаю, – с непонятной уверенностью сказал Алик. – Немного времени пройдет и поднимусь немного.

– Смелое заявление для собирателя копеек, – сказал Фидель. Засмеялся.

– Помогу, насовершаете еще подвигов. А я чувствую, что пойдет у меня фарт. Чудеса случаются у тех, кто в них верит.

– Ладно, ехать надо, – сказал Че. – Теперь дел у нас много.

Алик отошел в сторону, пропуская их машину.

– Может и ты с нами?

– Да нет, не осилю, – ответил Алик. – Меня даже из сторожей из-за здоровья уволили.

– Ну, давай, когда-нибудь увидимся!.. – Послышалось уже издалека.

«Жир-птица», наконец, открылась. Давно хотелось шурпы, серого супа, пахнущего овечьей шкурой. Наидешевейшее здесь блюдо.

Подходя, увидел сквозь стеклянную стену еще одного знакомого. За столом перед пустым стаканом неподвижно сидел Ангелыч. В детстве Алик ходил в кружок технического творчества, на картинг, а этот Ангелыч там руководил. Пацаном хотелось поругать, покататься, но пришлось в основном копать с грязными масляными железками.

И имя у Ангелыча тоже было странное, Господин. Господин Ангелович – в кружке тот говорил, что отец у него болгарин и назвал его по традициям предков.

Старик совсем не шевелился, будто насмерть о чем-то задумался. Алику вдруг так не захотелось заходить в это кафе, показываться. Наверное, Ангелыч его узнает. Стало так стыдно за себя, за избитую рожу, за все... Алик ощутил горечь, самую настоящую, будто наелся перца. Быстро отошел.

Вспомнился кружок, прежнее... Раньше Ангелыч обожал чихать. Чихал с необыкновенной мощностью, с оглушительной громкостью. Дети страшно радовались, хохотали. Заранее замечали, когда Ангелыч собирается чихнуть. Вот тот замирал и замолкал, будто задумавшись о чем-то внезапно. Начинали хихикать, пихать друг друга локтями. Ангелыч застывал, предупредительно поднимая вверх палец, потом громоподобно чихал, подпрыгивал и стучал руками

по коленям. Иногда даже бил кулаком в железный шкаф напротив. Дети хохотали, жутко радовались. Повеселев, Ангелыч объяснял, что именно так должен чихать настоящий технический специалист. Алик обнаружил, что сейчас улыбается.

На рынке где-то пели под гармошку, кто-то явно подражал Аркадию Северному. Среди народа с обычной злой усмешкой быстро двигался Алик.

Одолевали бытовые мысли. Сейчас он размышлял, не стоит ли сходить в парк и выиграть у пенсионеров-шахматистов несколько червонцев. Хотя среди пенсионеров попадаются ушлые и, бывает, обыгрывают его. И все больше возникает игроков, подобных ему, тоже алчущих червонцев. Таких все больше, а пенсионеров мало.

«Всюду деньги, деньги, деньги. Всюду деньги, господа. А без денег жизнь плохая, не годится никуда, – доносилось издали. – Деньги есть, и ты, как барин, одеваешься во фрак. Благороден и шикарен. А без денег ты мудака».

«Деньги, – подумал он. – Гнусная энергия этой жизни».

Стало совсем жарко. Алик остановился возле хлебного киоска. На его прилавке лежал и спал пушистый кот. Алик, задумавшись, гладил его. Кот не шевелился, никак не реагировал на прикосновения. Дама в маленькой очереди произнесла:

– Глядите, совсем неподвижный, не двигается.

– Да он мертвый, окоченел совсем, – с продуманным равнодушием сказал Алик.

– Ой, надо сказать! – Дама засунула голову в киоск, жаловаться, а Алик поспешил скрыться.

Потом пристал к сантехникам, стоящим возле канализационного люка с какими-то ржавыми железками. Спрашивал, не продают ли они эти железки? Остановился возле лотка, взялся рекламировать какие-то венгерские плюшки. Мол, свежие, только что из Венгрии.

На рынке на Алика реагировали как-то сдержано. Может, уже запомнили и привыкли?

Когда он вышел с рынка, из-за ворот продолжало доноситься:

«Белый снег и черный ворон. Черный ворон. Белый свет. Помирать еще нескоро, но и жить надежды нет... „Беломор“, немного хлеба да покрепче сапоги».

Голос становился все тише. Алик подходил к дому.

Глава 3 Встреча с интересными людьми

Опять внутри своих стен. Вошел, плотно закрыв за собой дверь.

«Вот и я, – сказал встретившей его кошке. – С совсем скромными покупками».

Достал маленький пакетик сметаны, выдавил ее на пальцы и протянул к потянувшейся навстречу кошачьей мордочке. Сказал:

– А копейки в подворотне я все-таки подобрал. В реальности кровью заработанные копейки. Сметана, всяческая еда – это на входе, а на выходе говно и посередине эта драгоценная жизнь. Оказалось, бедность подталкивает на гнусные поступки, до них я бы не опустился, будучи богатым.

Кошка лизала пальцы теплым язычком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.